

**КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКАЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА (IX–X вв.):
К ТИПОЛОГИИ РАННИХ ПИСЬМЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ**

Приводятся результаты комплексного историографического исследования памятников Кирилло-Методиевского корпуса, осуществленного с целью экспликации представленных в них знаний о языке. Определяются концепции, обусловившие преемственность взглядов славянских первоучителей на язык относительно греко-византийских теорий; выделяются оригинальные черты древнеславянской лингво-филологической модели на фоне общеевропейской лингвистической традиции.

This essay contains the results of a comprehensive historiographic research of the texts of Cyrilo-Methodian corpus carried out in order to explicate the system of knowledge about language. The basic concepts, that caused the continuity of views upon the language of the Slavic teachers with regard to the foregoing Greek and Byzantine theories, are defined; the original features of Cyrilo-Methodian linguistic and philological model are highlighted on the background of pan-European linguistic tradition.

Введение. В истории европейского языкознания есть периоды, наследие которых изучено недостаточно. К таким периодам относится эпоха Средневековья с ее своеобразной системой мышления, в которой рационально-логические принципы совмещены с теолого-антиномическими, а когнитивные процессы перенесены в сферу «религиозного опыта». В историко-филологическом плане средневековая традиция представляет собой особый тип рукописной культуры, для которой характерны отсутствие понятия «авторство», некритичные текстовые заимствования, присутствие в рукописных памятниках неструктурированных, переходящих из текста в текст «общих мест», возможность переделок и даже подделок оригиналов и т. д. В связи с этим в процессе исследования возникают проблемы атрибуции памятников, установления оригинального авторского текста, восстановления текстуальных лакун, а также интерпретации глосс и маргиналий.

Эти и другие факторы обусловили то, что до сих пор многие периоды более чем тысячелетней истории лингвистических учений эпохи Средневековья не получили исчерпывающего освещения и осмысления в современной гуманитарной историографии. Особенно это касается исследований школ и направлений, научное наследие которых дошло до нас во фрагментарном виде. К таким мало изученным этапам в истории средневековой науки относится древнеславянская лингво-филологическая традиция.

В связи с этим в данной работе мы предполагаем систематизировать основания для разработки общей типологической характеристики Кирилло-Методиевской филологической школы IX–X вв. с точки зрения ее преемственности относительно более ранних и современных Солунским братьям систем знания о языке, а также с учетом оригинальности лингво-филологических идей, реализованных в славянских метаязыковых текстах. Специфика исследования заключается в том, что в качестве материала привлекаются древнеславянские тексты разных жанров¹, в которых метаязыковая рефлексия представлена в структурах, существенно отличающихся от современных. Экспликация этих структур предполагает их истолкование в контексте социокультурных процессов эпохи раннего славянского Средневековья. Рассматривая тексты Кирилло-Методиевского корпуса в качестве источников для истории лингвистической науки, мы осознаем, что содержащиеся в них элементы понятийного строя и концептуального аппарата имели во время создания этих памятников другую (относительно современной научной парадигмы) значимость, поскольку были интегрированы в иную систему знания.

1. Понятие «Кирилло-Методиевская филологическая школа» в лингвоисториографическом аспекте. Имеющиеся в нашем распоряжении исторические источники неизменно указывают на существование в эпоху раннего славянского Средневековья специализированного филологического «учения». Это «учение», восходящее к традициям древнегреческой и византийской филологической науки, явилось результатом системной метаязыковой рефлексии, которая могла осуществляться только в рамках постоянно и активно действующего круга интеллектуалов, объединенных общими прагматическими задачами, связанными с распространением нового канонического языка. Такой круг во главе с Константином-Кириллом и Методием стал основанием Кирилло-Методиевской филологической школы IX–X вв. Эта школа может быть определена как имеющая просветительские и научные цели структура, возникновение которой было обусловлено деятельностью славянских первоучителей, разработавших систему общих основополагающих принципов и направлений развития школы в связи с рефлексией над языковыми проблемами самого широкого спектра – от конкретных случаев языкового варьирования при переводе до теоретических вопросов, связанных с языковой семантикой при интерпретации сложных теолого-философских категорий.

Таким образом, Кирилло-Методиевская филологическая школа IX–X вв. выполняла помимо собственно просветительских задач функции научного центра, целью которого было теоретизирование

¹ Среди кирилло-методиевских памятников текстами собственно филологического содержания являются трактат «О письменах» Черноризца Храбра, трактат из Македонского кириллического листка, Азбучная молитва, Пролог к переводу «Богословия» Иоанна Экзарха, созданные в Кирилло-Методиевской филологической школе IX–X вв. в связи с необходимостью теоретического обоснования переводческой деятельности древнеславянских книжников либо в связи с дискуссией вокруг обоснования статусности старославянского языка как канонического.

по поводу всего комплекса проблем, связанных с представлением о коммуникации в эпоху Средневековья. О том, что среди прочих направлений рефлексии в Кирилло-Мефодиевской школе складывалась и развивалась система знаний о языке, можно говорить с определенной долей уверенности, поскольку данные (хоть и фрагментарные) сохранившихся рукописных памятников, равно как и сама практика переводческой деятельности Константина-Кирилла, Мефодия и их учеников, подразумевают наличие четкой концепции-обоснования такой деятельности.

Данное направление деятельности книжников Кирилло-Мефодиевского круга предопределило то, что первая раннеславянская филологическая школа обеспечила глубокие преемственные связи между научными изысканиями предшествующей византийской филологической традиции и последующими этапами становления и развития лингвистической науки у славян.

2. Основания общей типологической характеристики Кирилло-Мефодиевской филологической школы IX–X вв. Поскольку Кирилло-Мефодиевская филологическая школа практически не представлена собственно лингвистическими текстами, непосредственно изучать актуальную для этой школы систему знания о языке невозможно, ее характеристики необходимо восстанавливать. Среди основных характеристик Кирилло-Мефодиевской филологической школы IX–X вв., позволяющих определить ее место в кругу античных и средневековых лингвистических учений, необходимо выделить следующие.

2.1. Одним из главных направлений деятельности Кирилло-Мефодиевской филологической школы IX–X вв. было обоснование **статусности старославянского языка** как канонического в соответствии с определенными социолингвистическими критериями, актуальными для восточно- и западно-христианского ареалов в IX в. (см. Picchio 1984, 2). С этой целью Константин-Кирилл и Мефодий разработали систему доводов, в основание которой были положены следующие идеи: (1) утверждение о сакральном характере всех естественных языков, что предполагает равное право для всех народов развивать письменную культуру на родном языке в процессе христианизации. Документальным свидетельством этого положения является булла папы Иоанна VIII (872–882) под названием *Industriae tue*, датированная июнем 880 г., в которой оставлено важное свидетельство об отношении церковных иерархов к проблеме триязычия: «qui fecit tres linguas principales, Hebream scilicet Grecam et Latinam, ipse creavit et alias omnes ad laudem et gloriam suam» (FL, 176) («ибо тот, кто создал три главных языка, то есть еврейский, греческий и латинский, тот создал и все остальные к своей хвале и славе»¹); (2) идея равенства всех народных языков (и систем письма) в связи с принципом равенства народов перед Богом, допустившим языковое и культурное многообразие: **не идеть ли дъжъ ѿ ба на вѣсе равно или снѣце такожъ не сіаетъ ли на вѣсе ни ли не дъхаетъ на аіеръ равно вѣси** (ПЖК, 106). Эта идея отражает стремление христианских миссионеров донести до сознания неопитов истины откровения в понятной оболочке слов и понятий (см. Lencek 1987); (3) принцип «имитации», согласно которому система старославянского языка развивалась, имитируя модели греческой языковой системы (см. Толстой 1988; Picchio 1984). Старославянский язык должен был имитировать греческий для того, чтобы благодаря перенятым моделям греческой языковой системы стать для славян не менее престижным, чем греческий. Со временем в сознании славянских книжников престиж старославянского языка возрастал и даже превосходил греческий. Так, автор открытой К. Ивановой Службы св. Кириллу, написанной после XVI в. и включенной в состав Мюнхенской праздничной мины XVII в., привносит в представление о культе первоучителя мотив «забвения» Константином-Кириллом греческого языка и предпочтение им славянского: **мнѡга искѹшенїа претръпель еси стѡю Кириле. ѿ солѹннаны ненависть. како забвьль еси езика гръьскаго. словесныѣ вльгареѣ влѡгодаренїе** (Иванова 1992); (4) оригинальная интерпретация проблемы говорения на разных языках (глоссолалии) для подтверждения идеи о бесполезности богослужения на незнакомом языке: ср. оппозицию **glwssol=lia** (**глаголаннѣ языкы**) – **profhteja** (**пророчество**), моделирующую гипертему речи против триязычников из «Пространного Жития Константина». Константину Философу важно внушить своим оппонентам мысль о том, как важна для неопитов проповедь на понятном языке, которая обогащает «и дух, и ум», принося большую пользу верующим. Так Константин-Кирилл формулирует идею о бесполезности богослужения на незнакомом языке, обосновывая необходимость создания литургического языка для славян.

2.2. Важной типологической характеристикой Кирилло-Мефодиевской лингво-филологической модели является интерес к проблеме **функционирования человеческого языка** как посредника между активно познающим субъектом и объектом познания, а также между говорящим и слушающим. В терминах античной философии в раннеславянской филологической школе ставились и решались проблемы именования, отношения имени и вещи, отношения имени и понятия о вещи – в конечном счете все важнейшие проблемы семантики.

Реализуя в своих взглядах на сущность языка идеи христианских неоплатоников, Константин Философ перенимает богатую диалектику их учения о слове. За языком он признает условный (конвенциональный) характер, усиливая в нем сторону «**разоума**», смысла. Именно эта идея будет положена

¹ Перевод Б.Н. Флори; цит. по: Сказания 1981, 197.

в основу концепции переводческой деятельности славянских просветителей. Следует также отметить, что практика перевода и интерпретации древних текстов обусловила необходимость обращать внимание на онтологические, психологические и прагматические аспекты процесса сигнификации. Вербальный знак представлялся славянскими книжниками как конвенциональный и произвольный, а законы грамматики и правила построения дискурса ориентировали на рефлексивность над неизменными и универсальными процессами познания. Здесь следует говорить о влиянии на лингвосомиотические идеи Кирилло-Мефодиевского круга со стороны теории знака, разработанной Аврелием Августином (354–430).

2.3. Опираясь на результаты длительных логико-лингвистических поисков античных и средневековых философов, славянские просветители выстраивали свою концепцию через осознание того, что человеческий язык является одним из доступных средств познания объективной реальности и божественных истин. При этом сориентированный на разные структуры «говорения» человеческий разум представляется либо как канал для созерцания, либо как «орган» рефлексии над понятиями и умозаключениями. Это разделение, однако, не представляется абсолютным, поскольку не исключена возможность сосуществования элементов разных систем и совмещения методов мистического делания и «разумного» теоретизирования.

В Кирилло-Мефодиевской филологической школе IX–X вв., на наш взгляд, представлен оригинальный вариант такого совмещения. Здесь религиозный мистицизм и рационализм были в равной степени актуальны для древнеславянской модели философствования, на которую, с одной стороны, оказали значительное влияние учение апостола Павла и апофатизм Псевдо-Дионисия Ареопагита (к. V – нач. VI в.), а с другой – рационально-деятельностные концепции платоновско-аристотелевского направления в философии и патристике. Однако, как свидетельствуют дошедшие до нас памятники Кирилло-Мефодиевского корпуса, акцент делался на **рационалистическом аспекте познавательной деятельности** человека: *члкъ оумъ ѿсѣкае лъжъ ѿ истины* (ПЖК, 101); *такъ разоумъ, братикъ, вогъ ксть далъ словѣномъ* (Хр, 151); и *разоумъ всадишъ въ срѣцихъ нашихъ дхвными словесы* (ПКФ, 95). Кирилло-Мефодиевской традиции свойствен авторитет образованности, знаний и рассудительности.

Одна из кардинальных проблем, оказавшихся в центре внимания книжников Кирилло-Мефодиевской филологической школы IX–X вв., выстраивается на связке ‘познание’ – ‘выражение’ (вербальное), и здесь вновь наблюдается особый подход первоучителей к решению вопроса о роли человеческого языка в процессе познания. Данная проблема своеобразно интерпретируется славянскими просветителями в контексте понятия **свои языкъ**, ориентирующего славян-неофитов на «разумное» познание, основным условием которого становится использование понятного языка. Сведения об этом заключены в переданном агиографом Константина-Кирилла послании великоморавского князя Ростислава византийскому императору, где говорится о том, что мораване просят такого учителя, **ниже би ны въ свои языкъ истиннѣю вѣрѣ христѣанскою сказаль, да се и иные страны, зреще въ нас, повет се намъ** (ПЖК, 104). Разночтения между списками ПЖК, а также факты опущения этих «выигранных слов» (В.Н. Топоров) при цитировании послания Ростислава в других памятниках Кирилло-Мефодиевского корпуса требуют объяснения.

Вероятное отсутствие выражения **въ свои языкъ** в изначальном варианте письма великоморавского князя возможно интерпретировать в связи с тем, что сама идея «своего языка» поначалу не была эксплицирована в тексте послания, поскольку, как сообщал Ростислав, основной проблемой славянских неофитов в Моравии было отсутствие учителей, которые проповедовали христианскую веру «истинно». Безусловно, обрести истинную веру славянам было бы легче на доступном языке, потому формируемая славянскими книжниками концепция «своего слова», дающего возможность миссионерам проповедовать на родном языке паствы, была совмещена именно с инициативой князя Ростислава и впоследствии получила отчетливое выражение в более поздних (кириллических) списках ПЖК и соотносимых с ним текстах.

2.4. Знание, зафиксированное в текстах филологического содержания, предполагает рефлексивность, которая исторически возникла вследствие возможности письменной фиксации состояний сознания. Результаты рефлексии получают отражение в **развитии лексикона**, а также характера отношений между элементами системы, с помощью которых структурируется знание о языке.

Комплексное историографическое исследование текстов Кирилло-Мефодиевского корпуса позволило выделить в них сведения об основных когнитивных категориях, которые формировались в эпоху раннего славянского Средневековья. Исследование смыслового объема славянских когнитивных категорий дает возможность проанализировать механизм организации «словаря» – концептуальной системы и терминологии, с помощью которой осуществлялась метафизическая, а вместе с ней и метаязыковая рефлексия.

Специфика кирилло-мефодиевской **традиции терминотворчества**, нацеленной на «создание славянской терминологической номенклатуры, адекватно выражающей развитие и утонченные поня-

тия византийской учености» и осуществлявшейся «в массовых масштабах», обусловила необходимость выработки ряда повторяющихся приемов образования терминов (Верещагин 1988, 94). Механизм этих общих приемов – транспозиции, заимствования, калькирования и ментализации, – выделенных и описанных Е.М. Верещагиным (см. Верещагин 1997 и др.), подтверждает тот факт, что создатели начальной славянской научной (в том числе лингвистической) терминологии не стремились вводить терминологические инновации, но переносили на славянскую почву имевший тысячелетнюю традицию использования греко-византийский категориально-терминологический аппарат. Исходной гносеологической предпосылкой при этом было актуальное для византийской филологической науки того времени представление о генетической связи парадигм философской рефлексии и лингвистического описания.

Выводы. Таким образом, Кирилло-Мефодиевская лингво-филологическая модель представляется оригинальной системой, предопределившей направления последующего развития славянской науки и культуры. Переноса греко-византийские когнитивные структуры на славянскую почву, первоучители избежали механического копирования исходных образцов (дискурса, категориального аппарата, структур представления знания и др.). Кирилло-Мефодиевская трансляционная модель представляет собой особый тип воспроизведения: славянский дискурс стремится к содержательной идентичности по отношению к византийскому дискурсу, ориентируясь при этом на структурные особенности старославянского языка. Данная позиция обусловила возможность для славян воспринимать богослужбные и богословские книги в качестве неотделимого компонента славянской духовной культуры. Находясь при этом в отношениях субординации с предшествующей традицией, славянская письменная культура предопределила в будущем поиски возможности усовершенствования своего дискурса.

Сокращения

FL – Латински извори за българската история (Fontes Latini historiae Bulgaricae) / Съст. и ред. И. Дуйчев и др. София, 1960. Т. 7. Ч. 2; **ПЖК** – «Пространное Житие Константина» // Климент Охридски. Събрани съчинения. София, 1973. Т. 3. С. 30–159; **ПКФ** – «Похвала Кириллу Философу» (сп. XIV в. собр. Севастьянова, РНБ) // Лавров П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности (Труды славянской комиссии. Т. 1). Л., 1930. С. 93–95; **Хр** – Черноризец Храбр. «О письменах» // Veder W.R. *Ultrum in alterum abiturum erat? A Study of the Beginnings of Text Transmission in Church Slavic. The Prologue to the Gospel Homiliary by Constantine of Preslav, The text On the Script and the Treatise On the Letters by Anonymous Authors.* Bloomington, Indiana, 1999. S. 88–167.

ЛИТЕРАТУРА

- Верещагин Е. М. Терминотворчество Кирилла и Мефодия // *Вопр. языкознания*. 1988. № 2. С. 91–100.
 Верещагин Е. М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., 1997.
 Иванова К. Неизвестна служба за св. Кирил в състава на Празничен миней от XVII в. // *Старобългаристика*. 1992. Г. XVI. № 3. С. 37–40.
 Толстой Н. И. Роль кирилло-мефодиевской традиции в истории восточно- и южнославянской письменности // *История и структура славянских литературных языков*. М., 1988. С. 140–153.
 Сказания о начале славянской письменности. М., 1981.
 Lencek R. The Culturological Legacy of the Cyrillo-Methodian Tradition // *Кирило-Методиевски студии*. Кн. 4 (Хиляда и сто години от смъртта на Методий). София, 1987. С. 18–22.
 Picchio R. Guidelines for a Comparative Study of the Language Question among the Slavs // *Aspects of the Slavic Language Question*. Vol. I (Church Slavonic – South Slavonic – West Slavonic). New Haven, 1984. P. 1–42.

Поступила в редакцию 19.05.11.

Елена Сергеевна Суркова – кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и славянского языкознания. Сфера научных интересов – кирилло-мефодиевская проблематика; история возникновения славянской письменности; славянская палеография; библейская текстология; философия языка в диахроническом аспекте; историография лингвистики; теория номинации; лингвистика текста; когнитивная лингвистика. Автор 60 научных и 6 учебно-методических работ на русском, белорусском и английском языках. Награждена медалью Международного фонда славянской письменности и славянских культур за исследования в области палеославистики.